

Свидетели эпохи

ВИКТОР
ЧЕРНОВ

Великая русская революция

Воспоминания председателя
Учредительного собрания

1905 — 1920

Виктор Чернов

**Великая русская
революция. Воспоминания
председателя Учредительного
собрания. 1905-1920**

«Центрполиграф»

Чернов В. М.

Великая русская революция. Воспоминания председателя
Учредительного собрания. 1905-1920 / В. М. Чернов —
«Центрполиграф»,

Виктор Михайлович Чернов (1873 – 1952) – автор трудов по социологии и аграрному вопросу, один из основателей и главный теоретик партии эсеров, министр Временного правительства. В 1918 году избран председателем Учредительного собрания. В своей книге он вспоминает революционные дни потрясенной России, те события, в формировании которых он принимал непосредственное участие. Резко обвиняет царскую власть, а затем и «демократию» за болтливость и разрушительство, упрекает во властибоязни, а блок с кадетами, которые диктуют свои условия, называет нереальным и вредным. Высказывается об Октябрьской революции 1917 года, которую категорически не принял.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Виктор Чернов
Великая русская революция.
Воспоминания председателя
Учредительного собрания. 1905 – 1920

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Глава 1

КРАХ ДИНАСТИИ

Кажется, что эта трагическая пара – Николай II и Александра Федоровна – была создана историей специально для того, чтобы завершить династию.

Этого человека и его семью с самого начала преследовал злой рок. Когда в разгар мировой войны царю пришлось в голову сместить великого князя Николая Николаевича и самому стать главнокомандующим, почти все его приближенные пришли в ужас. Они понимали полную неспособность царя выполнять эту миссию и его абсолютную некомпетентность в военных делах. Кроме того, они опасались негативной реакции солдат и всей страны. Все шептались, что присутствие невезучего императора на фронте не сулит войскам ничего хорошего.

Характер Николая II сформировался под беспощадным влиянием судьбы, а не случая. Поэт Александр Блок писал о нем: «Упрямый, но безвольный, нервный, но равнодушный ко всему, не верящий в народ, тревожный и осторожный в словах, он не был хозяином самому себе». Распутин говорил: «У него чего-то не хватает внутри».

Он воспринимал чужие советы с упрямой пассивностью, словно желая бежать от жизни. Его реакция на события была замедленной и, если так можно выразиться, машинальной. Кажется, это не человек, а его плохая копия. В критические моменты власть в его руках была «не властью, а ее бледной тенью».

Видимо, апатичность и нерешительность Николая II объясняются его детством, на которое оказал влияние суровый отец. Александр III был суровым и деспотичным человеком, способным сломить волю любого. Слабая, почти женственная натура Николая заставила его быстро приспособиться к тирании отца. Он стал послушным и раболепным. В семье ему дали кличку Ники Чего Изволите.

В императорской семье была жива память об Александре II, убитом бомбой террориста; Александр III, огражденный от мира концентрическими кругами тайной полиции, жил как затворник, как затравленный волк, рычащий на своих преследователей. Маркс называл его «военнопленным русской революции, сидящим под домашним арестом в своем гатчинском дворце». Этот узкий круг с его душной атмосферой оказывал угнетающее влияние на молодого цесаревича. Даже временное бегство, которым стало для Николая путешествие на Дальний Восток и в Японию, не принесло ему счастья. По иронии судьбы он попал в замок, куда был воспрещен вход иностранцам, и был тяжело ранен в голову мечом простого самурая; эта рана стала предвестием еще более тяжелой раны, которую крошечная Япония нанесла позднее военному престижу России не только на Дальнем Востоке, но и во всем мире.

После этого Николая подвергли второму «домашнему аресту». Среди «человеческих документов» того трудного времени есть наивная короткая записка, отправленная одним из дворцовых гвардейцев своим родным после убийства царского министра Сипягина: «Министра похоронили в четверг, но бедный император посетил только церковь, а на кладбище не был. Его жизнь хуже нашей. Император боится всего на свете и большей частью сидит в Зимнем дворце, как под арестом. Его единственное развлечение – игра с собаками. Он спускает с поводка штук пять – восемь и носится с ними по саду, а они прыгают на него; иногда он бежит по крыше или играет в мяч с братом; такова их несчастная судьба».

Ясно, что приятной такую жизнь не назовешь. В своем крымском имении Ливадия он жил как в осажденной крепости. Местным жителям было строго-настрого запрещено приближаться к резиденции императора; кордоны и пикеты из солдат и чинов полиции, как обычной, так и тайной, были повсюду. Во время путешествий Николая по России вдоль всей железнодорожной колеи стояла цепочка солдат. Регулярно проводились досмотры и облавы. В горо-

дах, которые посещал император, по маршруту его следования прочесывались все чердаки и подвалы. Водопровод и канализация проверялись на наличие мин. Подходить к окнам и выходить на балконы можно было только по специальному разрешению. Стоять на тротуарах могли только те, кто получил пригласительный билет. Все это было так утомительно!

В беспросветном существовании Николая был только один светлый момент. После смерти своего отца, мрачного тирана, Николай, которого Лев Толстой однажды назвал «бедным, запуганным молодым человеком», внезапно стал всемогущим повелителем одной пятой земного шара. От такого закружилась бы голова у каждого. Он стал царем. Подданные, уставшие от хмурого царствования Александра III, ждали от его преемника перемен к лучшему. Неужели сам Николай не чувствовал тяжелой руки отца? Все, кто еще сумел сохранить живую душу, жадно искали намека на такие перемены.

Порадовать тогдашнее русское общество было легко. Две-три августейшие («благожелательные и утешительные») пометки, сделанные на полях отчетов губернаторов напротив пунктов о расширении школьной сети; два-три выхода из дворца без сопровождения тайных агентов; указ о выделении пятидесяти тысяч рублей на помощь нуждавшимся авторам – всего этого было достаточно, чтобы зажечь в сердцах надежду. Но выходы из дворца без охраны тут же вызвали тревогу, и «беспечного молодого человека» моментально окружили двойным кордоном. Деньги, выделенные для неимущих авторов, тут же передали в так называемый «рептильный фонд», предназначенный для подкупа. А что касается императорских заметок на полях, то цензура хотя и не посмела их скрыть, но запретила комментировать.

Чувствуя приветливые и ожидающие взгляды подданных, Николай мог считать себя счастливым, а счастливые люди стремятся сделать счастливыми и других. Это подтверждает граф Витте. «Когда император Николай II унаследовал престол, он, если так можно выразиться, излучал добрую волю. Он искренне и от души желал мира и счастья всей России, всем ее народам, всем подданным, потому что у императора действительно было доброе сердце, и если в последние годы возобладали другие черты его характера, то лишь потому, что императору пришлось очень многое пережить». Даже оппозиционные газеты, выходившие за пределами России, не были настроены против молодого царя. После семи лет тщетных ожиданий перемен к лучшему французская газета «Либерасьон» все еще не хотела расставаться с надеждой. «Сам по себе царь – человек хороший и страстно стремится сделать Россию счастливой», – писала она. Верить в такое стремление приятно, и когда-то возникший слух о мягкости и «доброй воле» молодого царя дальше поддерживался по инерции. Например, террорист Евгений Шауман, убийца генерал-губернатора Финляндии, писал: «Ваше Величество! Я приношу в жертву свою жизнь, пытаюсь убедить вас, что дела в России обстоят хуже некуда. Зная доброе сердце и благородные намерения вашего величества, я умоляю Ваше Величество тщательно изучить ситуацию... С глубочайшим и преданным уважением остаюсь верным подданным Вашего Императорского величества, самого могущественного и милосердного императора. *Евгений Шауман*».

Момент восшествия на престол стал лучшим в жизни Николая. Но даже тогда в бочке меда оказалась ложка дегтя. Московская коронация, во время которой населению должны были раздавать царское угощение и подарки, была организована с азиатской беспечностью и привлекла на Ходынское поле несметные толпы народа. На этом поле было полно старых ям и траншей. Началась давка, а когда она закончилась, эти ямы наполнились телами затоптанных насмерть людей.

«Где стол был яств, там гроб стоит...»

Суеверный народ воспринял случившееся как недоброе предзнаменование. И тут молодой царь впервые проявил удивительную бесчувственность, которая так часто изумляла людей впоследствии. Не пожелав прервать коронацию, Николай продемонстрировал полную невозмутимость. Хотя тела многочисленных жертв (их общее количество так и не было предано

гласности) еще не были погребены, он почтил своим присутствием бал, устроенный неким иностранным посольством.

Восшествие молодого царя на престол было омрачено еще одним происшествием. Принимая делегацию земств, которая в своем приветственном адресе наметнула на необходимость либеральных реформ в управлении, царь отклонился от текста заранее заготовленной речи, в которой говорилось о невозможности удовлетворить «беспочвенные мечтания» о конституции. Вместо этого он оговорился и употребил куда более резкое и даже просто оскорбительное выражение «бессмысленные мечтания», после чего смутился и быстро покинул зал. Присутствовавшие при этом иностранные корреспонденты отметили его «мальчишескую неловкость, шаркающую походку и смущенный вид»; для них он был «царем-манекеном, производившим жалкое и в то же время сильное впечатление своей склонностью к истерии и автоматизму».

Было ясно, что «шапка Мономаха» слишком тяжела для головы, на которую она легла. Николай согнулся под ее бременем; он всю жизнь пытался выпрямиться и не дать людям заметить, что эта шапка ему не по размеру. Царь старался подбодрить себя мыслью о том, что он не простой смертный, а помазанник Божий, что на нем лежит благословение небес и ведет его по незримой тропе жизни без всяких усилий с его стороны. Николай шел по этой тропе с непостижимой (многие называли ее «таинственной») полуулыбкой на губах; он никогда не смотрел посетителю в глаза, но бродил взглядом по его лицу или устремлял взор куда-то в пространство.

Со временем эти черты характера только усиливались. Увидев царя в январе 1917 г., граф Коковцев вздрогнул. «Его лицо было ужасно худым, осунувшимся и изборожденным мелкими морщинами. Глаза... полностью утратили цвет и беспомощно блуждали с одного предмета на другой». В важные моменты беседы царь «впадал в абсолютно непостижимое, беспомощное состояние. Его лицо не покидала странная улыбка, лишенная выражения и даже болезненная – я бы сказал, почти бессознательная; он смотрел на меня растерянно, словно искал помощи и хотел, чтобы я напомнил ему, что абсолютно исчезло из его памяти». После аудиенции граф Коковцев осмелился сказать доктору Боткину: «Разве вы не видите, в каком состоянии находится император? Он на грани душевной болезни, если уже не переступил эту грань». Ответом Боткина было красноречивое молчание.

Конечно, оговорка молодого царя при его первой встрече с делегацией подданных была случайной. Возможно, он страдал из-за нее сильнее всех. Он не любил неприятных сцен. Если кто-то из его приближенных попадал в опалу, Николай предпочитал высказывать свое недовольство у него за спиной, не переставая быть внешне «неизменно благорасположенным». Иными словами, он придерживался манер, которые с самого детства делали его «примерным мальчиком», олицетворением хорошего воспитания. О Николае говорили, что он напоминает Александра I, который был «grand charmeur» [великим обольстителем (фр.). – *Примеч. пер.*]. «Я не знаю никого, – говорит один министр, – кто при первом представлении не был очарован императором; он чарует своей искренностью, своим любезным обхождением, а особенно превосходным воспитанием; за всю свою жизнь я не встречал более воспитанного человека, чем император».

Николаю II следовало родиться не императором, а сельским помещиком средней руки, с состоянием, достаточным для мирной жизни вдали от общественных потрясений. Как пишет генерал Данилов, «мне кажется, последнему русскому монарху по складу его характера больше всего подошла бы жизнь без ответственности и без печалей». Однако история возложила на его хрупкие плечи огромную тяжесть и сделала главным героем трагического конца династии, насчитывавшей триста лет.

Николай унаследовал от предков стремление к завоеваниям. В фантазиях и планах на будущее он щедро вознаграждал себя за неудачи в настоящем. Его наперсник генерал Куропаткин писал в дневнике: «Я сказал Витте, что наш император вынашивает грандиозные планы:

завоевать Маньчжурию и присоединить к России Корею. Он хочет взять Персию и захватить не только Босфор, но и Дарданеллы. Он мечтает распространить свою власть на Тибет». Его взгляды на внешнюю политику были следующими: «Конфликт Сербии и Болгарии выгоден для нас». Так же выгодно «настроить тибетцев против англичан». Полезно «создать полосу дикой и почти непроходимой ничейной земли, чтобы разделить русскую и японскую сферы влияния», «принять на службу хунхузов (китайских бандитов)» и заманить японцев в Корею, потому что «лучше сражаться с ними на Корейском полуострове». Но поскольку министры такие авантюры не одобряли, царь отворачивался от них. «Император по-прежнему думает, что он прав, что он лучше нас понимает нужды и выгоды России. Поэтому он нас обманывает». Каждый случайный фаворит, готовый одобрить что угодно, «кажется царю лучше понимающим его мысли, чем мы, его министры»¹.

Самые талантливые его помощники (люди типа Витте) могли доверять свои мысли и сожаления только бумаге. «Мне жаль царя. Жаль Россию. Бедный, несчастный император. Что он получил в наследство и что оставит после себя? Конечно, он человек добрый и умный, но лишенный воли; именно эта черта является причиной всех его неудач как государственного мужа; именно ею объясняются его неудачи как правителя, тем более правителя абсолютного и ничем не ограниченного, второго после Бога»².

Эсеровская пресса однажды сыграла с царем злую шутку. Журналисты тщательно собрали из «Правительственного вестника» и других официальных источников все его речи – главным образом тосты. Они были не слишком многочисленны и чаще всего представляли собой вариации на тему банального тоста в честь военных, произнесенного 21 мая 1896 г.: «Я поднимаю этот бокал за здоровье военных. Ваше здоровье, господа!» Публикация книги, наполненной этими пустыми и монотонными речами, вызвала оглушительный политический скандал. Цензор спешно конфисковал весь тираж под предлогом того, что речи императора можно публиковать только с личного разрешения «августейшего оратора».

Царь оставил после себя еще один литературный жанр: заметки на полях докладов губернаторов, генерал-губернаторов и министров, отзывы на общественные события, резолюции на присланных ему петициях и телеграммы в адрес отдельных лиц или учреждений. Ни один злобный политический памфлет не мог бы создать впечатление, равное тому, которое оставляют «перлы царского пера».

Государственный совет представляет на рассмотрение правителя предложение об отмене телесных наказаний в России. Тот пишет: «Рассмотреть вопрос повторно». Государственный совет повторяет предложение. Николай отвечает: «Отменю, когда захочу». Семьдесят восемь виднейших литераторов обращаются к царю с жалобой на произвол цензуры и просят «защитить литературу с помощью закона». Виза Николая: «Оставить без последствий». В 1896 г., через четыре года после голода, потрясшего до основания все сельское хозяйство страны, с царем встретились представители дворянства. Он сказал: «Я знаю, что дворянство переживает трудные времена. Вы можете быть уверены, что я не забуду о его нуждах». Отвечая на вопрос российской переписи, касающийся его классовой принадлежности или имущественного положения, царь написал: «Первый дворянин». Но его ответ на вопрос о профессии оказался еще хлеще: «Хозяин земли Русской». На полях закона об ограничении права евреев на жительство он пишет: «Евреи, покидающие черту оседлости, ежегодно наполняют города Сибири своими мерзкими физиономиями. Эту нетерпимую ситуацию необходимо изменить». На рапорте о злоупотреблениях жандармского ротмистра графа Подгоричани во время еврейского погрома в Белостоке император делает пометку: «Какое мне до этого дело?» На многочисленных докладах о пытках, применяемых по отношению к заключенным, и казнях непокорных узников он пишет: «Ура, мои славные ребята!», «Славные ребята эти конвоиры, не растерялись», «Царское спасибо этим славным ребятам». На рапорте о появлении агитаторов в казармах он начертил: «Надеюсь, их тут же расстреляли». На докладе о взятии под стражу организаторов погро-

мов красуется его резолюция: «Объявить им прощение». Эти бесчисленные заметки на полях оказали более сильное революционизирующее действие на разные слои общества, чем десятки агитаторов.

Однако все это мелочи по сравнению с отношением царя к черносотенному Союзу русского народа, который даже граф Витте называл «хулиганами и ворами», а Столыпин – «бандой уголовников». Однако царь объявил, что этот союз находится под его покровительством, не раз выражал ему благодарность и даже носил значок его почетного члена. Граф Витте был беззаветно предан царской династии, но не мог этого вынести. В его воспоминаниях можно найти горькие слова о «нищете политической мысли и болезненном состоянии души нашего деспотичного императора».

Были опубликованы дневники императора за несколько лет. Конечно, дневник – наиболее интимный литературный жанр; человек остается наедине со своей душой и поверяет бумаге свои самые сокровенные мысли и чувства. Однако в данном случае этот «человеческий документ» производит поразительное впечатление именно тем, что в нем полностью отсутствует человеческое. И в самые обычные дни его жизни, и в дни величайших потрясений, радостей или потерь дневник одинаково монотонен, мелочен и пуст. С точностью и бесстрашием часов царь отмечает пешие прогулки, охоты, чаепития, чьи-то визиты, смерти одних близких ему людей и браки других. Это не дневник, а «официальная хроника», редкостное доказательство полного автоматизма психики. Складывается впечатление, что этого человека ничто не могло тронуть. Все скатывается с него как с гуся вода. Даже в день своего отречения от престола царь тщательно записал: «Читал биографию Юлия Цезаря и играл в домино».

Генерал Данилов был свидетелем того, как вел себя царь во время всеобщего потрясения, вызванного катастрофой на Дальнем Востоке, и в еще более трагические дни марта 1917 г., предшествовавшие отречению. Генерал был поражен его «холодным, каменным спокойствием», резко контрастировавшим с подавленностью самого Данилова. «Я спрашивал себя, что это: поразительное, почти нечеловеческое умение держать себя в руках, достигнутое благодаря воспитанию и вере в свое божественное предназначение, или недостаток ума?» В конце концов генерал объяснил это «некоторым особым фатализмом восточного толка, тем не менее от рождения свойственным всем русским людям».

Витте писал то же самое: «Император по своей природе бесстрастный оптимист. Такие люди испытывают чувство страха только тогда, когда буря бушует у них перед носом, а как только она проходит, проходит и страх. Их чувствительность к феноменам, действующая на очень коротком расстоянии, приводит в ужас... Следует прибавить, что у императора женственный характер; кто-то заметил, что перед рождением он был снабжен атрибутами, отличающими мужчину от женщины, только по недосмотру природы. Каждый, кто должен отчитаться перед ним, а особенно тот, кому император назначил встречу сам, на первых порах радуется царскому благоволению, которое иногда переходит границы умеренности, но рано или поздно это благоволение сменяется равнодушием, а иногда (и довольно часто) – горечью и разочарованием человека, когда-то любившего; ибо если чувство прошло, это значит, что его предмет того не стоил».

Витте рассказывает интересную историю о «личном соперничестве», которое всегда омрачало отношения между Николаем и кайзером Вильгельмом II. Каждого, включая министра двора графа Фредерикса, «смущало, что царю не хватало внешнего величия – главным образом благодаря небольшому росту, из-за которого он отказывался носить немецкий мундир, делавший его еще меньше... В глазах общественности (не только российской, но и мировой) Вильгельм как личность был выше Николая. И физически он тоже был больше похож на императора. Тщеславного Николая это злило. Я помню, что после его первой встречи с Вильгельмом появились почтовые открытки с изображением двух императоров. При этом рука

Вильгельма лежала на плечах Николая; казалось, немец обнимал его. Император был Вильгельму по плечо. Все открытки было тут же приказано конфисковать».

Этот эпизод был символичен. Николай II не выносил рядом с собой по-настоящему больших людей. В критические моменты он не раз пользовался услугами графа Витте, который в политическом смысле был на голову выше остальных придворных подхалимов и карьеристов. Витте не раз находил выход из самых безнадежных ситуаций. Но в глубине души царь никогда не мог простить графу его уникальность и незаменимость. Он постоянно подозревал Витте (причем несправедливо) в том, что тот медленно, но верно готовит себе путь к тому, чтобы стать президентом Российской республики. Николай обращался к помощи Витте крайне неохотно и только в чрезвычайных случаях, причем (если не считать внешних знаков внимания вроде орденов) неизменно отвечал ему черной неблагодарностью. Царь предпочитал министров, которых он мог менять как перчатки, не меняя при этом рутинного порядка. Характерно, что в последние годы и месяцы царского режима постоянная смена министров достигла такого уровня, что даже Пуришкевич – этот *enfant terrible* [одиозная личность (*фр.*)]. – *Примеч. пер.* / правого крыла Государственной думы – злобно и гласно протестовал против «министерской чехарды».

Поэтому неудивительно, что все, кто был предан престолу и служил ему верой и правдой, испытывали чувство глубокой горечи и недовольства своим правителем. Когда убийство министра Боголепова положило начало новому этапу террористической деятельности, потребовалось назначить сильного министра внутренних дел. Царь попросил совета у духовного вождя реакционной клики Победоносцева, кого назначить на этот пост – Сипягина или Плеве. Победоносцев ответил, что никакой разницы нет: один дурак, второй мерзавец. Царь назначил сначала первого, потом второго: оба были ликвидированы военной организацией партии социалистов-революционеров. Сипягин, ультрареакционер и аристократ до мозга костей, действительно не отличался умом, но был беззаветно предан императору. Незадолго до своей смерти Сипягин сказал Витте «искренне и с большой горечью, что императору нельзя доверять; хуже того, он лжив и неискренен. В отчаянии он [Сипягин. – *Примеч. пер.*] сказал то же самое своей жене». После смерти Сипягина в его доме появились посланцы, которым было поручено забрать дневник хозяина для царского просмотра. Когда дневник вернули вдове убитого министра, многие важные части оттуда исчезли. Согласно графу Шереметьеву, царь уничтожил их лично и даже «соизволил» в чем-то заподозрить своего посланца, генерал-адъютанта Гессе.

Благодарность была чувством недостойным положения русского царя. Во всяком случае, так считала императрица, которая сразу после смерти Столыпина прочитала графу Коковцеву нотацию: «Вы придаете Столыпину слишком большое значение. Не следует так сильно переживать из-за тех, кого больше нет. Каждый исполняет свою роль; если его уже нет среди нас, это значит, что он сыграл свою роль до конца и добавить ему было нечего».

В наиболее важном источнике последних лет – двухтомных мемуарах графа Коковцева – говорится, что даже Витте, человек, обладавший огромной энергией и уверенностью в себе, был доведен до такого состояния, что готов был покончить с собой.

Когда князь Святополк-Мирский попытался с помощью мягких методов управления примирить страну с ее правителем, он потерпел неудачу, потому что за его спиной (и к его удивлению) царь сорвал все планы князя, назначив на ответственные посты нескольких махровых реакционеров. После своей отставки князь с горечью заявил: «Нельзя верить ни одному слову императора, потому что завтра он откажется от того, что одобрил сегодня». Место Святополк-Мирского занял Трепов, прямой, грубый и самоуверенный генерал, «вызывающая внешность, устрашающий взгляд и простая солдатская речь» которого произвели на царя такое впечатление, что на некоторое время Трепов стал чуть ли не диктатором. Затем царь решил избавиться и от этого «в высшей степени лояльного и преданного слуги» с помощью некоего хитрого плана, но сам запутался в нем. Витте туманно говорит о какой-то «трагической ситу-

ации с этим недалеким, но честным и преданным царю человеком, возникшей за несколько недель до его смерти». Сам Витте с горечью замечает: «Что касается слов императора, то я уже знал, что им нельзя верить. Он не мог доверять даже сам себе, потому что непоследовательный человек не способен управлять собой; он дрейфует по ветру, от которого, к несчастью, чаще всего разит миазмами».

Недавно генерал Мосолов, который, как заместитель министра двора, имел полную возможность наблюдать за царем вплотную, попытался реабилитировать последнего русского монарха. Согласно его словам, царь не являлся обманщиком от природы. Он был чрезвычайно застенчив благодаря болезненному тщеславию и боязни уронить свое достоинство. Поэтому он избегал споров, в которых не мог победить, был чрезвычайно замкнут и любил слушать других, сохраняя свое мнение при себе. Царь не мешал министрам, которые пытались убедить его или оказать на него влияние. Они уходили, уверенные в успехе, но позже разочаровывались. После благосклонного приема их могли неожиданно отправить в отставку. Мосолов приписывает это чрезвычайной «воспитанности» царя. Спорить из-за слов не имело смысла. Согласно Мосолову, подростка Николая научил этому его наставник, генерал-адъютант Данилович, прозванный учениками пажеского корпуса «иезуитом».

Недавно были опубликованы записки Николая Михайловича Романова, единственного умного представителя царской династии и профессионального историка. В них содержатся поразительные (чуть ли не непечатные) высказывания об императрице и нелицеприятное мнение о царе: «Что это за человек! Он мне отвратителен, и все же я люблю его, потому что он от природы неплохой человек, сын своего отца и матери. Наверно, любить его меня заставляют родственные чувства, но все же какая у него мелкая душонка!»³

Из многих документов, но главным образом из «Записок» великого князя Николая Михайловича, мы знаем, что в высших придворных кругах и даже в императорской семье считали убийц Распутина чуть ли не героями и приветствовали их «с бурным энтузиазмом». Даже сам великий князь, в глубине души напуганный этим убийством, и особенно его подробностями (в том числе гомосексуальной связью между Распутиным и одним из его убийц), тем не менее одобрял данное убийство до такой степени, что готов был сам принять в нем участие. «То, что они совершили, – писал великий князь, – очистило воздух, но это всего лишь полумера, потому что Александру Федоровну [императрицу. – *Примеч. авт.*] и Протопопова следовало устранить тоже. Мысль о новых убийствах снова и снова приходит мне в голову... потому что иначе все может пойти прахом. Графиня Бобринская, Миша Шаховской пугают меня, подбадривают и умоляют действовать: но как? с кем? В одиночку это немыслимо... После бегства этих людей и Пуришкевича я не вижу и не знаю никого, кто мог бы справиться с этим». Далее, выражая свои симпатии к убийцам, он добавляет: «Я не мог выразить им ничего, кроме сердечного сочувствия и сожаления, что они не довели дело уничтожения до конца».

В высших кругах Петербурга члены миссии лорда Милнера часто слышали откровенные разговоры о возможном убийстве царя и царицы. Нынешний британский посол в Париже сэр Джордж Клерк писал: «Каждому из нас приходилось слышать о неизбежности чрезвычайно серьезных событий. Вопрос заключался лишь в том, кого устранят: императора, императрицу, Протопопова или всех троих сразу»⁴.

Многие, даже среди крайне правых, давно лелеяли мысль о смене царя ради сохранения монархии. Профессор Никольский, один из наиболее активных лидеров реакционного Союза русского народа, еще в апреле 1905 г. записал в тайном дневнике свои впечатления от частых встреч с царем: «Посмею ли я признаться даже самому себе? Я думаю, что царь органически не способен что-то понять. Он больше чем бездарен. Прости меня, Господи, он – полное ничтожество. Если это так, его правление долго не протянется. О боже, чем мы заслужили, что наша верность так безнаджна?»

Если бы мы могли надеяться, что он покончит с собой, у нас был бы шанс. Но он этого не сделает! До чего мы дожили! Я не верю в ближайшее будущее. Теперь, чтобы очистить воздух, одного убийства будет слишком мало. Нам нужно что-то на сербский манер...¹

Единственной жертвой должна была бы стать династия. Но где мы возьмем новую? Одним словом, конец, полный конец. Чудес не бывает. Конец той России, которой я служил, которую любил, в которую верил. Я не увижу ее возрождения: ночь будет долгой. Агонию можно продлить, но какой в этом толк?»

Если к такому выводу пришли даже крайне правые монархисты, то династии грозила опасность лишиться поддержки вообще.

Несчастный царь пожинал то, что посеял. В критический момент, когда революция уже уничтожила его трон, он ощутил вокруг себя зияющую пропасть. Николай записал в дневнике: «От меня потребовали отречься... Я согласился... В час ночи я оставил Псков с тяжелым чувством: кругом измена, трусость, обман».

Если «женские» черты в характере царя признавали почти все, то роль мужчины в этой августейшей паре играла императрица Александра Федоровна. Свидетельством этого являются ее письма.

«Дорогуша, – игриво пишет она мужу, – не смейся над своей глупой старой женушкой, но у нее есть невидимые брюки». Стремящаяся стать «ангелом-хранителем» и «верной помощницей» мужа, она поучает Николая на каждом шагу: «Будь более властным, более суровым, более решительным и уверенным в себе, демонстрируй свою непреклонность и твердую волю». Лучшей рекомендацией для ее кандидатов в министры были слова: «Он мужчина, а не юбка». Других она отвергала, характеризуя их следующим образом: «Этот Воейков – трус и дурак... Я сказала ему, что все его министры были *«des poltrons»* [мокрыми курицами (*фр.*)]. – *Примеч. пер.*]... Уверяю тебя, я хочу показать этим трусам свои бессмертные брюки». Ничуть не лучше она отзывалась о боевых генералах, «больших шишках» в ставке, за их стремление к полумерам: «Предложить тебе это могли только трусы... Я вижу, что мои черные брюки нужны и в ставке – все эти идиоты просто отвратительны».

«Царица никому не нравилась, – пишет поэтесса Зинаида Гиппиус, – еще в давние времена, когда она была юной невестой наследника престола. Ее резкое лицо, красивое, но мрачное и угрюмое, с тонкими поджатыми губами, не производило хорошего впечатления; ее германская угловатая надменность была неприятна». Возможно, окружавшим не нравилась ее подозрительность. В письмах к мужу она дает себе волю, называя всех «слюнтяями», «дураками», «трусами», «мерзавцами» и «идиотами». Никто так беспощадно не описывал людей, составлявших ближайшее окружение императора.

Когда-то российской самодержицей была одна бедная немецкая принцесса. Ее звали Екатерина II. Почему Александра не могла последовать ее примеру? Эта женщина чувствовала себя более мужчиной, чем большинство окружающих, в том числе муж, уступавший ей во всех отношениях. Она всеми силами пытается вдолбить в голову мужа мысль: «Твоими врагами являются те, кто говорит, будто я слишком вмешиваюсь в государственные дела... Это показывает, что тот, кто предан тебе в истинном смысле этого слова, не станет пытаться отстранить меня». Когда Александре наконец удастся достичь цели, она ликует: «Как чудесно, что ты отдал мне Верховный совет... Представь себе, я встречаюсь со всеми этими министрами... Со времен Екатерины ни у одной императрицы не было такой личной власти».

Этой гордой и властолюбивой натуре, презиравшей людей, судьба предназначила в спутники жизни человека малоспособного, нерешительного, постоянно терпевшего неудачи и в

¹ Имеется в виду заговор, осуществленный в Белграде 29 мая 1903 г., который одним ударом устранил короля Александра I и королеву Драгу и заменил династию Обреновичей династией Карагеоргиевичей.

глубине души тяжело переживавшего их, человека, никому не верившего, болезненно тщеславного и в то же время лишенного веры в себя; человека, искавшего поддержки у окружающих, одновременно смертельно завидовавшего каждому, кто был способнее его, и не прощавшего другому его превосходства; человека угрюмого, двуличного, упрямого, несчастного и по-детски жалеющего себя. Эта тщеславная и склонная к интригам женщина решила во что бы то ни стало возвысить своего мужа. Чтобы добиться этого, она пустила в ход весь свой изобретательный и беспокойный ум. Хотя на первых порах императрица была равнодушна к мужу и даже испытывала к нему едва ли не отвращение, в конце концов она страстно любила его как собственное неудачное создание, как взрослого ученика, словно мать, которая после тяжелых родов начинает болезненно любить своего хрупкого ребенка с физическими недостатками, видя в нем олицетворение страданий, которые она пережила, производя его на свет. Эта полуматеринская любовь, усиленная супружеским чувством, превратилась в жгучую ненависть ко всем, кто мог затмить ее духовного отпрыска, уничтожить его своим превосходством или пытался водить его на помочах.

Врач, который лечит нервных больных с помощью внушения, мог бы позавидовать искусству, с которым императрица влияла на психику своего мужа с помощью писем: она присылала ему инструкции, подбадривала, льстила его тщеславию, лелеяла его подозрительность, любовно журила, умоляла и прибегала к словесным заклинаниям, упорно добиваясь своего. По ее мнению, он был слишком добр и мягок, очаровательно скромен, но плохие люди злоупотребляли его добротой. Он должен заставлять их повиноваться с помощью ума и опыта; у него есть и то и другое, просто он боится продемонстрировать их. Любви окружающих недостаточно; они должны бояться его – нет, дрожать перед своим царем. Он должен демонстрировать им свою железную волю, принимая решения даже вопреки мнениям и желаниям окружающих. Он должен научиться приказывать, не задаваясь вопросом, выполним ли приказ. «Используй свою метлу... показывай им свой кулак, наказывай их, будь хозяином и правителем, ты самодержец, они не смеют забывать об этом, а если забудут, как сейчас, то горько раскаются».

Да, она хотела быть добрым гением своего мужа, но стала его злым гением, потому что беспощадно прогоняла от него всех, кто обладал хотя бы намеком на независимость. Она могла терпеть и терпела только тех, кто мог и соглашался играть роль дурнушки при сомнительной «красавице». Волю императора (которую поддерживала в нем она сама) следовало чувствовать, о какой бы жизненной сфере ни шла речь. Она желала командовать даже в области религии: часто церковные вопросы решались по указке императора, что вопиюще противоречило каноническому праву. Ей хотелось участвовать даже в военных операциях; во всяком случае, она давала советы мужу. Она болезненно завидовала популярности великого князя Николая Николаевича как главнокомандующего, считая, что эта популярность «украдена» у царя, которому следовало стать главнокомандующим самому. Лихорадочная военная активность Вильгельма II не давала ей покоя. После воззвания Николая Николаевича к полякам она заподозрила великого князя в тайном желании «после войны стать королем Польши или Галиции». Позже она подозревала его в гораздо худшем: «Он получает слишком много наград и благодарностей... Он все время забывает, что не имеет никакого права отдавать приказы без твоего позволения... Он решает все, назначает и увольняет... Министры ездят к нему с докладами, словно он уже стал императором... Он пытается играть твою роль... узурпирует твои права... хочет быть твоим ментором... Он и его ставка, в которой собрались изменники, лишают тебя первенства».

Сначала она подстрекает царя за спиной главнокомандующего совершить неожиданную поездку на фронт и опубликовать обращение к армии без упоминания имени главнокомандующего. Затем она советует царю, чтобы тот сместил дядю с поста главнокомандующего и сам занял его место. Еще позже, когда Николай Николаевич был отправлен в почетную ссылку на Кавказ, царица перехватывает его письма и внушает царю, что «все неблагонадежные эле-

менты собираются вокруг дядюшки и пытаются использовать его как знамя», что он взял с собой на Кавказ подозрительно большую свиту, что он «продолжает сеять смуту», что Синод на его стороне, что во время трех дней, когда к царю можно было обратиться с петицией, «в толпе распространяли тысячи портретов Н», что в окружении бывшего главнокомандующего говорили о необходимости «сослать царицу в монастырь». За ними нужно следить, «нужно послать людей разнюхать это дело», «там собрались опасные враги», «это пахнет изменой». Пока еще не пришло время, но, «когда война закончится, тебе придется наказать их; почему эти люди должны оставаться на свободе и занимать завидные посты, если они готовы лишить тебя престола, а меня запереть в монастырь?».

Но самые яростные громы и молнии императрица метала в Государственную думу, ее ведущие партии и все общественные организации, вмешивавшиеся в дела, которые мог и обязан был решать только самодержец, как помазанник Божий. «Не собирай Думу», «немедленно распусти Думу», «не верь тем, кто пытается напугать тебя черными предсказаниями», «нескольких ударов недостаточно; их можно и необходимо сокрушить». Похоже, для императрицы главным врагом были не революционеры, а такие люди, как лидеры правых партий конституционных демократов (кадетов) и Союза 17 октября (октябристов) Гучков, Родзянко и Милюков, пытавшиеся стать буфером между престолом и возбужденной страной и убедить царя принять конституцию, чтобы избежать революции. Одно письмо летело вдогонку другому: «Ты должен избавиться от Гучкова, но как? Вот в чем вопрос. Сейчас время военное, нельзя ли под каким-нибудь предлогом арестовать его и посадить в тюрьму?» А то еще проще: «Почему бы не повесить Гучкова?» Или: «Почему Милюков до сих пор на свободе?» Слыша об угрозах царицы, даже председатель правой Думы Родзянко готовился отправиться в ссылку.

Все это относится к «мужской ипостаси» императрицы. Настало время перейти к ее «женской ипостаси». На сцене появляется фигура, оказавшаяся для династии роковой: Распутин.

Отношения между царицей и Распутиным долго были предметом «скандальной хроники». После падения династии их охотно мусолила «желтая пресса», не знающая жалости к побежденным – особенно тем, кто раньше был идиолом.

Почву для таких слухов создал сам Распутин своими намеками, красноречивым молчанием и пьяным хвастовством. Повторять их нет нужды. Они только затемняют истинное значение трагикомедии, которая усилилась с появлением Распутина в императорских апартаментах.

Мы будем опираться лишь на тщательно проверенные факты.

Существует составленный Синодом «Отчет о деле Распутина». Еще в 1902 г., после сообщения священника села Покровское, уполномоченный по Тобольскому округу рапортовал губернатору о подозрительном поведении крестьянина указанного села Григория Распутина. Он упомянул о регулярных ночных сборищах в особом помещении без окон (видимо, бане). Губернатор передал этот вопрос на рассмотрение местного архиепископа Антония. Тот поручил своему представителю провести тщательное дознание, сопровождавшееся обыском избы Распутина. Отчет этого представителя был передан на рассмотрение специалисту по сектам, инспектору Тобольской духовной семинарии Березкину. Последний определил несомненную принадлежность Распутина к «хлыстам», одной из наиболее темных мистических сект, в которых религиозный экстаз доводился до невротических оргий. Для этой секты (или, по крайней мере, для некоторых ее ответвлений) характерен резкий переход от мучений и истязаний плоти к взрывам чувственности. Как руководитель хлыстовской общины, или «корабля», Распутин обладал абсолютной властью над прихожанами, особенно над их женской половиной, и видел в их подчинении любому его капризу мистическую связь с наполнявшим его «святым духом». «Некоторые из подробностей этого документа, – свидетельствует Родзянко, читавший отчет Синода, – были до того безнравственны и отвратительны, что их нельзя было читать без омер-

зения». Церковные власти решили провести дополнительное расследование, а потом передать дело государственному прокурору.

Тем временем Распутин, воспользовавшись задержкой в церковном расследовании, сумел привлечь к себе внимание известного агитатора «черной сотни» протоиерея Восторгова и с его помощью добрался до Санкт-Петербурга. Он вернулся оттуда с деньгами и подарками, полученными «на память» от различных высокопоставленных особ и подписанными ими лично. Среди этих подарков был и медальон императрицы. Расследованию стали тут же ставить палки в колеса. Вскоре прибыл приказ Синода, за которым скрывалось высочайшее распоряжение: архиепископа Тобольского, преподобного Антония, повысить и сделать архиепископом Тверским и Кашинским. Ему предлагалось сделать выбор: либо прекратить расследование дела Распутина и стать архиепископом Тверским, либо подать в отставку. Антоний был человеком практичным и предпочел отставке повышение.

В то время в самом центре православной церкви возникла демагогическая черносотенная группа. Она наполняла свои проповеди политическими лозунгами наиболее реакционного толка. Среди ее руководителей помимо уже упомянутого протоиерея Восторгова были иеромонах Илиодор, страстный и умелый проповедник (горящие глаза и пламенное красноречие делали его кумиром простонародья города Царицына, а особенно женской половины последнего); неуравновешенный авантюрист отец Гапон, начавший свое служение под покровительством тайной полиции, но затем, к изумлению многих, подавшийся в революционеры; покровитель Илиодора Гермоген, влиятельный епископ Саратовский; буйный монах Варнава, ставший из простого садовника епископом, и многие другие. В то время партия реакционеров стремилась заручиться поддержкой «простых людей» и стать «ближе к земле». Она мечтала создать «союз царя с его народом» без участия «образованных вольнодумцев и политиканов».

Хитрый Распутин, уловив дух времени, решил плыть по течению. Полуграмотный и абсолютно невежественный, он не пытался навести на себя лоск и изменить свои грубые крестьянские повадки. Он понял, что именно эти повадки помогут ему сделать карьеру. Сначала он действовал осторожно, наблюдал, ставил перед собой цель и пытался решить, какой способ позволит ему успешно проникнуть в высшее общество. Он был жадным мужиком атлетического сложения, невероятно сильным и выносливым, способным пить и блудить до бесконечности. Распутин быстро сообразил, что петербургское высшее общество состоит из смертельно скушающих самок, психопаток и истеричек. Многие женщины страдали от недостатка духовной жизни и были готовы броситься на шею любому новоявленному пророку и чудотворцу. Другим хотелось приключений и возбуждения любого рода. Дам, томившихся от безделья, могло привлечь только что-то очень извращенное. Они называли Распутина «неаппетитным мужиком», но ощущали к нему нездоровое влечение. *«Le laid, c'est le beau»* [чем хуже, тем лучше (*фр.*). — *Примеч. пер.*]. Распутин поступал очень умно, прикрывая их слабость пеленой мистицизма. Он примешивал к сексу религиозную истерию. Простое прикосновение к нему или хотя бы к его одежде якобы оказывало на людей магическое влияние; иногда оно излечивало болезни, а иногда приносило счастье и успех. А самый интимный контакт с ним, естественный для брака, должен был перенести женщину в «высшие сферы» и помочь ей полностью «обновиться». Это был «духовный брак», самое высшее из «тайнств». Распутин был окружен настоящим гаремом настоячивых и любопытных женщин, буквально осаждавших его. Он умудрялся не только сохранять, но постоянно расширять этот гарем за счет новых наложниц, очарованных его гипнотическим красноречием и религиозными бреднями. Его красноречие было необычным. Оно представляло собой поток бессвязных, неожиданных, примитивных фраз. Ничего другого от него и не требовалось. Разве когда-то Христос не призвал к себе простых рыбаков, дабы те посрамили своей простотой тщеславных язычников, кичившихся своим знанием философии и прочих наук? За неуклюжими словами Распутина должна была скрываться более высокая мудрость, вдохновленная самим Господом.

Постепенно Распутин – пифия в сапогах со скрипом, молодой чудотворец из простонародья – проник в петербургские салоны. Конечно, «дамские пророки», обладавшие большими или меньшими претензиями на «святость», были и до него. Неподалеку, в Кронштадте, существовал отец Иоанн, уступавший Распутину в авантюризме, но сумевший появиться в нужный момент и разрекламированный на всю Россию как «святой человек». Он тоже был окружен толпой поклонниц, но не мог пользоваться ими на манер Распутина. Поэтесса Гиппиус описывает еще одного такого типа, «маленького отца из Чемряка», некоего Щетинина. Кроме того, она утверждает, что Варнава был «младшим братом» Распутина, «дешевым изданием» последнего. Даже Питирим, последний митрополит царского времени, принадлежал к тому же типу, хотя был более осторожным и соблюдал внешние приличия, подобавшие его высокому сану.

Подобно многим своим предшественникам, Распутин мелькнул бы на петербургском горизонте, как яркий метеор, и упал в болото, если бы не открыл для себя новые ослепительные возможности. Ему удалось найти путь в императорские покои.

У Александры Федоровны, как императрицы, была своя миссия: произвести на свет наследника престола. Но одна беременность за другой кончалась рождением очередной девочки. Для нее каждая новая беременность была трагедией ожидания, тревог, надежд, разочарований и отчаяния. У нее был один выкидыш и одна ложная беременность. Психическое равновесие императрицы было нарушено. Этим объяснялась ее истерическая религиозность, желание чуда и суеверные поиски чудотворца. Московские царицы с незапамятных времен окружали себя «святыми людьми» всех мастей: начетниками, ясновидящими, «юродивыми» и прочими шарлатанами и психопатами на религиозной почве. Императрица бросилась в объятия этих проходимцев, казавшихся ей экзотичными. Среди них были такие люди, как эпиплетичка Дарья Осипова, заговаривавшая женщин от выкидышей, или гундосый юродивый Митя. К этому сброду добавлялись чудотворцы, выписанные из-за границы: например, лионский полумасон-полуспирит Филипп и его ученик, известный шарлатан Папюс.

На этот раз высшие церковные иерархи созвали тайное совещание. Они испугались возвращения времен, когда при дворе процветали сектанты и масоны, а православная вера пошла на убыль. Духовником императорской пары назначили епископа Феофана. Судя по описаниям, Феофан был человеком не от мира сего, искренне преданным христианской вере, и это похоже на правду. Но ему казалось, что побороть нездоровую склонность императрицы к женскому мистицизму легче всего с помощью незатейливой, но сильной веры в Бога, которой обладают простые люди. Ум епископа сильно уступал его святости. Именно Феофан решил, что Григорий Распутин является воплощением крестьянского религиозного примитивизма.

Распутина сделали «придворным ламповщиком», отвечавшим за поддержание огня в лампадах, всегда горевших перед иконами, и за хранение коллекции редких икон, написанных старыми мастерами. Против назначения его на эту должность возражали многие женщины, совращенные Распутиным, а затем освободившиеся от его гипнотического влияния и увязшие в политических, административных и судебных дрязгах.

Наконец царица родила сына. Но ее радость была испорчена с самого начала. Ребенок был неизлечимо болен гемофилией – болезнью, при которой малейшая царапина приводит к сильному кровотечению. Здесь медицина была бессильна; оставалось надеяться лишь на чудо. Распутин предложил сотворить такое чудо, и императрица алчно клюнула на приманку.

Распутин, как большинство подобных людей, обладал неосознанным магнетизмом. Силу его внушения испытывали на себе женщины, которые, несмотря на душевные страдания и остатки собственной воли, делали все, что он хотел. Это внушение ощущали даже такие высокопоставленные люди, обладавшие сильной волей, как Столыпин. Однажды Столыпина послали припугнуть Распутина и заставить его убраться из Петербурга. После этого Столыпин рассказывал Родзянко: «Он уставил на меня свои белесые глаза, начал бормотать таинственные и бессвязные фразы из Писания, делать странные пассы руками, и внезапно я почувствовал

невыносимое отвращение к тому, что надвигалось на меня. Но я понял, что этот человек обладает мощным гипнотическим даром и сознательно внушает мне сильное психическое чувство отвращения. Поэтому я взял себя в руки и прикрикнул на него...»

Родзянко описывает свою встречу с этим грубым мужицким Калиостро очень похоже: «Распутин повернулся, и его глаза начали блуждать по мне: сначала по лицу, потом в области сердца, а потом снова по лицу. Так продолжалось несколько секунд. Я не подвержен действию гипноза (проверял это много раз), но тут ощутил влияние какой-то огромной и непостижимой силы. Я почувствовал, как во мне возник чисто звериный гнев, к сердцу прихлынула кровь, и понял, что близок к настоящему безумию. В свою очередь я посмотрел Распутину прямо в глаза и ощутил, что мои глаза буквально вылезают из орбит».

Императрица смотрела в эти белесые глаза с надеждой, на первых порах робкой, а затем все более и более иступленной. Распутин поступал очень мудро: он появлялся вскоре после того, как ребенку оказали медицинскую помощь, но лекарство еще не успело подействовать. Поэтому улучшение состояния цесаревича неизменно приписывали его влиянию. Однажды царский хирург Федоров пришел в ужас, увидев, что стерильные бинты и прочие материалы, которые он приготовил в операционной для больного ребенка, накрыты грязной поддевкой, которую Распутин снял со своего плеча; таким образом он призывал на предстоящую операцию благословение небес.

Распутин умел развлекать и смешить мальчика. Кроме того, при нем императрица оставалась совершенно спокойной. Сила внушения, которой обладал «придворный ламповщик», прекращала ее приступы истерии.

Вся ее жизнь заключалась в больном маленьком наследнике престола, который был не только ее сыном, но воплощением императорской власти. В каком-то смысле муж также был ее духовным сыном, за которого она постоянно переживала и болела душой. Чувства к двум созданиям, связанным друг с другом благодаря ей и находившимся перед ней в неоплатном долгу, слились в одно. Если бы эти люди умерли, у нее не осталось бы ничего. Такая любовь исключает возможность интимной связи с Распутиным, слуху о которой охотно верили и завсегда и петербургских салонов, и подавляющее большинство населения России. Но сам Распутин так высоко не метил. Этот неутомимый распутник ограничился тем, что соблазнил в императорских покоях лишь особу своего ранга: няню детей правящей четы. Когда со временем няню тихо убрали из дворца, она продолжала ныть, что царских детей нужно вырвать «из когтей этого дьявола».

По отношению к царице Распутин вел себя так, что она могла поверить в его чистоту и святость. Для Александры Федоровны он был человеком, посланным ей Провидением, ангелом-хранителем ее обожаемого сына – того самого взрослого коронованного ребенка, к которому Распутин испытывал тревожную отцовскую любовь. Однажды царь и царица вместе читали французскую мистическую книгу, называвшуюся «Друзья Бога». Там говорилось, что иногда небеса посылают на землю «божьих людей», которые должны руководить земными властями и служить посредниками между ними и небесами. Именно таким человеком был спирит Филипп. Он подарил царице икону с колокольчиками, звон которых должен был предупреждать ее о приближении опасных людей, враждебно настроенных к трону. Но Распутин пошел еще дальше. Он подарил царице образ Николая Чудотворца, который следовало держать в руках перед каждой важной встречей. Еще одним его подарком стал посох из Нового Афона с изображением рыбы, держащей птицу; в одной руке нужно было держать его, а в другой – посох, освященный прикосновением спирита Филиппа. Кроме того, он подарил царице свой гребешок. Перед важными встречами император должен был несколько раз провести этим гребешком по волосам, что должно было резко повысить его проницательность. Кроме того, у императрицы была большая коллекция подаренных Распутиным образков, каждый из которых обладал магической силой, и амулетов (в их числе были засушенный букетик ландышей, хлеб-

ная корочка и пустая бутылочка из-под мадеры – естественно, «вина не обычного, а чудодейственного»).

Императрица, которую придворные называли «гениальной женщиной» и сравнивали с Екатериной II, которая получила прекрасное образование, говорила на нескольких языках, поддерживала близкие отношения со сливками современной литературы и искусства, под влиянием Филиппа и Распутина стала верить во всякую чушь вроде счастливых и несчастливых дней, предсказаний, вещих снов самого Распутина, с которым следовало обсуждать всякое действие, в том числе и наступление на фронте.

В эпизоде с Распутиным действительно было нечто роковое. Но дело заключалось не в том, что «жена Цезаря, которая должна быть выше подозрений», приблизила к себе грязного авантюриста, пользовавшегося скандальной славой. Трагедия была в том, что царь и царица, толпы министров и князей церкви, духовно бедные и обладавшие низким самосознанием, в самый решающий момент мировой истории держали в своих руках судьбу колоссальной страны, раскинувшейся от полярных льдов до выжженных солнцем степей Средней Азии и от Балтики до Тихого океана.

Глава 2

ПОСЛЕДОВАТЕЛИ РАСПУТИНА И СЕПАРАТНЫЙ МИР

Распутин обладал влиянием, не имевшим себе равных. Царица верила каждому его слову и, в свою очередь, влияла на политику мужа. Но чего хотел сам Распутин? Какой политики он ждал от правительства? Политиком в полном смысле этого слова он не был. Этот авантюрист просто стремился избавиться от тех, кто не любил его, и возвысить тех, кто защищал его или искал его милостей. Великому князю Николаю Николаевичу претили его эскапады, и с помощью царицы Распутин добился его снятия с поста главнокомандующего и замены его самим царем. Этот шаг возмутил руководство Антанты и порадовал немцев.

Некоторые духовные лидеры церкви хотели отлучить Распутина и предать его анафеме за разврат. Но он добился «августейшего повеления», согласно которому этих людей, в нарушение всех канонов, отправили в ссылку. Для этого оказалось достаточно рапорта «серого кардинала» – прокурора Священного синода. Оставалась Государственная дума. Ее беспомощность по контрасту со всемогуществом темного авантюриста все более возбуждала общественное мнение. Распутин натравил на Думу царя, и тот беспощадно подавил последние ростки конституционализма, которые в интересах сохранения царизма посеял не кто иной, как махровый контрреволюционер Столыпин.

Когда влияние Распутина успешно прошло проверку, его дом и различные квартиры в аристократических районах Петербурга, в которых происходили его гомерические оргии, наполнились пестрой толпой просителей, интриганов, карьеристов, авантюристов, шпионов, маклеров, биржевых спекулянтов и, наконец, людей, мечтавших о министерских портфелях. Всем требовалась рекомендация Распутина, словечко, замолвленное в нужный момент, или безграмотная записка, адресованная кому-то из высокопоставленных особ. Все обделывали с его помощью свои грандиозные аферы и мелкие делишки. Однако за помощь Распутина требовалось платить. Все пытались что-то шепнуть ему на ухо, что-то выведать у него или заставить его что-то сделать. Но этот хитрый комедиант никого не слушал. Мало-помалу он создавал свою собственную странную «теплую компанию», состоявшую наполовину из политиков, наполовину из спекулянтов. В этой банде Распутин был царем и богом. Ее члены были тесно связаны круговой порукой; они помогали друг другу карабкаться наверх и убирать все препятствия с пути своего оракула. Этой клики боялись все. Кое-кто пытался закулисно интриговать против нее, но дело обычно кончалось неким тайным соглашением.

Тем временем продолжалась веселая игра в «министерскую чехарду». Один «калиф на час» сменял другого. Ловкие акробаты карабкались по спинам других людей, предлагали друг другу поддержку, топтали тех, кто спотыкался, затем спотыкались сами и падали. Некоторые наиболее уважаемые консерваторы вроде Родзянко пытались довести до царя весь ужас ситуации. Но царь искренне не понимал этого. Кое-кто из великих князей начинал бояться, что Николай приближается к краю пропасти, куда потянет за собой и всех членов царской семьи. Царь злился. В Думе произносили гневные речи даже такие реакционные монархисты, как Пуришкевич. Царь напрягался и готовил указ о роспуске Думы. Последний буфер между властью и безмолвствовавшей, но возбужденной страной мог быть уничтожен в любой момент.

И в армии, и в тылу, в студенческих аудиториях и крестьянских избах звучит слово «измена». Оно становится особенно слышным после очередного поражения. Это неизбежный спутник деморализации. Цель для подозрений существует и сама напрашивается быть атакованной. Императрица – немка, которая действует в пользу «своих», она готовится предать союзников и заключить сепаратный мир. Через царицу враги узнают самые важные военные

тайны. Сторонники Распутина намеренно разваливают государственную власть. Даже много лет спустя Родзянко решительно утверждал, что «кружок Распутина находился под несомненным вражеским влиянием и служил интересам Германии».

Теперь мы знаем (во всяком случае, практически), насколько справедливы были эти подозрения¹.

16 августа 1916 г. в личном письме к царю английский король указал на высокую активность германских агентов в России. Николай не стал отрицать их существование и пообещал «заняться ими», однако добавил: «Я думаю, существует более серьезное явление, требующее постоянной борьбы: деятельность некоторых банков, которые до войны находились в руках немцев; их невидимое, но сильное влияние сказывается в медленном выполнении заказов на военную технику, боеприпасы и так далее».

Хотя российский капитализм, и в частности финансовый капитализм, был в каком-то смысле «дочерней фирмой» капитализма Антанты, однако у германского капитализма была своя сфера влияния. Участие германского капитала было особенно сильным в Петроградском международном банке (директор А.И. Вышнеградский), который принадлежал компании «Дисконтогезельшафт»; в Русском внешнеторговом банке, зависевшем от берлинского «Дойче банка»; и, наконец, Русско-Азиатский банк (находившийся под управлением А.И. Путилова, причем в совет директоров входил и Вышнеградский) имел давние связи с немецким банкирским домом «Варбург и компания», а также с Крупном. Из этих трех банков два первых осуществляли контроль над значительной частью российской металлургии (текстильная промышленность входила в сферу влияния Антанты). Кроме того, немецкая электротехническая компания «Сименс унд Гальске» открыла в Петербурге свой филиал, называвшийся «Электрическим обществом-1886». Вместе с компанией «Альгемайне электрицитетсгезельшафт» (Ратенау), проникшей в Россию позже, они создали Русский электрический синдикат, который покрыл всю Россию линиями электропередачи, протянутыми по определенному плану. Таким образом, немецкий капитал имел в довоенной России сильные позиции. Его щупальца дотягивались до разных политических групп и людей, пользовавшихся влиянием в правительстве и обществе. Именно к ним вели многочисленные ниточки, за которые дергал тот, кто стремился подорвать симпатии к Антанте и подтолкнуть Россию к заключению сепаратного мира с Германией.

В воспоминаниях Вильгельма II указывается, что посол Мирбах сообщил ему о меморандуме, переданном царю в 1914 г. графом Коковцевым, бывшим министром финансов, пользовавшимся большим авторитетом в российских банковских кругах. В этом меморандуме граф возражал против войны и выступал за тесные связи с Германией. Он предсказывал, что «война закончится поражением и приведет к падению династии». Гельферих, один из наиболее активных руководителей «Дойче банка», описывает шаги, предпринятые в самый канун войны русской «партией мира» во главе с Коковцевым. Стремясь заключить мирное соглашение с немецкими финансовыми кругами, эта партия отправила в Берлин своего эмиссара Л.Ф. Давыдова, занимавшего видный пост в Русском внешнеторговом банке. В случае начала войны эти круги должны были внешне хранить молчание, но ждать благоприятной возможности для приближения ее конца и нового объединения усилий.

Возможно, роль главного агента здесь сыграл известный финансист Манус. Согласно воспоминаниям бывшего французского посла в России Мориса Палеолога, Манус «поддерживал регулярную связь со Стокгольмом (иными словами, с Берлином)» и был «главным распространителем немецких субсидий в России». Каждую неделю Манус устраивал прием для Распутина и других лиц, связанных с фрейлиной Вырубовой, а через нее – с самой императрицей.

В соответствии с государственным законом о конфискации немецкой собственности Московская городская дума долго, но тщетно добивалась закрытия «Электрического общества-1886». Это общество, в то время значившееся швейцарским, защищал известный сторон-

ник Распутина князь Андронников. Закрыть это общество так и не удалось; напротив, в конце 1916 г. оно получило гарантию правительства о предоставлении ему банковской ссуды в четыре миллиона рублей. В Думе вызвала сенсацию речь правого депутата Хвостова, направленная против «немецкого засилья» и постоянно увеличивавшегося тайного влияния германского капитала на жизнь России. Хвостов угрожал новыми разоблачениями, особенно относившимися к электротехнической промышленности. Но разоблачений не последовало. Андронников через Распутина, Вырубову и императрицу сделал Хвостова министром. «Целью этого назначения, – впоследствии заявил Хвостов следственной комиссии, – было желание избежать моих речей о германском капитале и особенно об электротехнической промышленности». Затем Хвостов сделал министром финансов своего родственника Татищева. За это Татищев дал Распутину взятку в 100 000 рублей; во всяком случае, так утверждает сообщник Распутина, бывший директор департамента полиции Белецкий. Позже Татищев попал под следствие и был обвинен в «оказании помощи врагу». Но Татищев дал ставленнику Распутина Протопопову еще 100 000 рублей на покупку муки для мифических «магазинов Общества борьбы против высокой стоимости жизни», после чего Протопопов передал дело Татищева ангелу-хранителю последнего Белецкому «для наблюдения за ходом следствия».

Возможно, самой зловещей фигурой кружка Распутина был Манасевич-Мануйлов. Доклады бывшего министра иностранных дел Извольского показывают, что этот человек действовал как агент германского посла Пурталеса, совершившего неудачную попытку купить за 800 рублей ведущего журналиста газеты «Новое время». Когда Манасевича-Мануйлова привлекли к суду за шантаж и взяточничество, Николай II по просьбе царицы лично приказал закрыть дело. Под предлогом «отсутствия улик» его положили под сукно и так и не возобновили.

На фоне немецких козней и бессилия властей история дворцовой интриги и наглого шпионажа с целью заключения сепаратного мира выглядит просто фантастической.

Действия в пользу сепаратного мира осуществлялись по двум направлениям: индустриально-финансовому и династически-дипломатическому.

Начнем с первого. В начале июня 1915 г. в Стокгольме объявился директор «Дойче банка» Монкевиц. Он встретился с российским промышленником, «одним богатым русско-польским евреем» со связями в Берлине (видимо, Манусом). Через последнего Монкевиц довел до сведения русского посла свое пожелание, «чтобы два человека могли как можно скорее тайно встретиться в Москве или Копенгагене; при этом немецкую сторону будет представлять либо Бодельсон², либо Варбург³, а русскую – видный финансист...» (фамилия отсутствует); целью этой встречи будут частные переговоры о мире «без ведома официальной дипломатии обеих стран». Русский посол тут же доложил об этой встрече тогдашнему министру иностранных дел Сазонову, добавив от себя, что речь идет о «прямом предложении» сепаратного мира и что это предложение достаточно серьезно, потому что «директор «Дойче банка» Монкевиц действовал явно не от своего лица». Фамилии «русского промышленника» и «видного финансиста» так и остались неизвестными, но не вызывает сомнений, что эти люди принадлежали к промышленным и финансовым кругам, которые до войны контролировались германским капиталом.

Сазонов относился к идее сепаратного мира резко отрицательно. Однако не прошло и года, как проект Монкевица оказался близким к осуществлению. В конце марта 1916 г. в доме германского посла в Стокгольме фон Люциуса состоялась беседа между Стиннесом и японским послом. Стиннес предложил, чтобы «влиятельные представители России, Японии и Германии

² Шведский финансист прогерманского толка.

³ Гамбургский банкир, связанный с А. И. Путиловым и выполнявший дипломатические поручения.

встретились для обмена мнениями об условиях мирного договора». Стиннес, глава немецкого электротехнического треста, был тесно связан с Россией благодаря филиалам своего треста и Международному банку А.И. Вышнеградского.

А затем в Стокгольме состоялась якобы случайная встреча немецкого банкира Варбурга и члена возвращавшейся из Лондона российской «парламентской делегации», заместителя председателя Думы Протопопова. Кроме того, Протопопов был председателем Совета металлообрабатывающей промышленности, которая контролировалась банками, зависевшими от германских синдикатов. С Протопоповым был «видный финансист» и нефтяной король Поляк, а также шведский банкир Ашберг. Варбург пытался убедить собеседников, что Англия всегда обманывала своих союзников, делает это и сейчас и в одиночку пользуется преимуществами войны. Поэтому России выгоднее дружить с Германией. Он подчеркивал «естественность» условий сепаратного мира: Польша будет восстановлена на землях, принадлежащих российской короне, согласно этнографическим границам; Курляндия перейдет к Германии, а Россия получит взамен Буковину (часть Галиции) и черноморские проливы – конечно, если сумеет отобрать их у турок с помощью военной силы. Красной нитью доводов Варбурга была игра на тщеславии царя: «Англия хочет доминировать и сломить волю русского царя, запрещая ему заключение сепаратного мира»⁴. Если верить Протопопову, на том беседа и закончилась.

Вернувшись в Петроград, Протопопов рассказал о своей беседе с Варбургом Милюкову и попросил совета, как лучше сообщить об этом царю. Милюков «испугался и сказал, что к этому предложению нужно отнестись всерьез». Он убеждал Протопопова описать царю стокгольмский эпизод как «не имеющий большого значения случай из жизни туриста». Протопопов выслушал совет, но поступил как раз наоборот – «придал ему большое значение и довел до сведения императора». Действительно, в письме Николая II жене от 20 июля 1916 г. содержится туманное упоминание о Протопопове: «Он был за границей с другими членами Думы, рассказал мне много интересного... и очень меня обрадовал».

Беседа с Варбургом стала для Протопопова началом карьеры: вскоре он сделался не только министром, но и фаворитом Распутина и императрицы. Эти последние начали кампанию столь секретную, что в личных письмах называли Протопопова конспиративной кличкой Калинин. Когда они наконец достигли цели, императрица написала мужу: «Благослови тебя Бог за выбор Протопопова – наш Друг говорит, что ты поступил очень мудро, назвав его имя». Протопопов тут же начал переговоры с банкирами, коммерсантами и промышленниками, которые могли способствовать его продвижению вверх. С согласия властей он хотел создать в следующей Думе компактную группу представителей этих кругов, насчитывающую от пятидесяти до восьмидесяти членов. «Центрами их предвыборной кампании станут провинциальные отделения частных банков» (в то время их насчитывалось около тысячи двухсот); некоторые частные банки уже предложили создать фонд избирательной кампании в размере двух миллионов рублей, предназначенный для обеспечения соответствия их ставленников требованиям, предъявляемым к кандидатам⁵, и, «возможно, для покупки голосов».

Теперь Протопопов стал одной из центральных фигур клики, сплотившейся вокруг Распутина. В канун Февральской революции императрица писала царю о своем близком друге, видном стороннике Распутина Н.Н. Саблине: «Сегодня вечером он обедает с Маклаковым [царским министром, которого не следует путать с правым кадетом, известным адвокатом

⁴ Не следует забывать, что у Варбурга, подстрекавшего царя против Англии, были влиятельные союзники. 5 июня 1916 г. императрица писала мужу о Вырубовой: «Она забыла передать тебе слова нашего Друга [Распутина. – *Примеч. авт.*], что смерть Китченера нам на руку [так! – *Примеч. авт.*], поскольку впоследствии этот человек мог причинить России большой вред, и что вредные договоры теперь подписаны не будут. Понимаешь, он всегда боится того, как поведет себя Англия в конце войны, когда начнутся мирные переговоры».

⁵ Например, для того, чтобы быть избранным, требовалось пройти имущественный ценз, то есть обладать определенной собственностью.

В.А. Маклаковым. – *Примеч. пер.*], Калинин [то есть Протопоповым. – *Примеч. пер.*], Римским-Корсаковым и другими у Бордукова». Бордуков был посредником между Татищевым и Протопоповым, передавшим последнему 100 000 рублей на покупку пресловутой «муки». Римский-Корсаков являлся одним из вождей черносотенного Союза русского народа, во время войны ставшего «германофильским». Согласно сообщениям французской прессы, в конце 1914 г. Маклаков вместе с Щегловитовым и бароном Таубе представил Николаю меморандум о необходимости прекратить войну. В начале февраля 1917 г. он прозрачно намекнул царю, что правительство должно «восстановить порядок в стране *любой ценой* и победить *внутреннего* врага, который стал более сильным и опасным, чем *враг внешний*».

Это высказывание позволяет понять тактику распутинской клики, с самого начала борющейся за смещение Николая Николаевича с поста главнокомандующего. Злобная и подозрительная Александра Федоровна действительно убедила себя, что Николай Николаевич пытался завоевать военную популярность, чтобы отнять трон у ее незадачливого мужа. Однако за нащепываниями Распутина стояли реальные интересы реальных экономических групп. В мемуарах бывшего германского кронпринца описываются шаги, предпринятые Германией весной 1915 г. с целью заключения сепаратного мира. Кронпринц пишет: «Главная трудность заключалась в том, что великий князь Николай Николаевич все еще сохранял власть». Действительно, пока великий князь оставался на своем посту, сменить лозунг «война до победного конца» было невозможно. Поэтому сторонники сепаратного мира должны были сначала во что бы то ни стало устранить Николая Николаевича. Родзянко, изо всех сил пытавшийся уговорить царя не брать на себя обязанности главнокомандующего, говорил прямо: «Люди станут объяснять это решение влиянием окружающих вас немцев, которые, по всеобщему убеждению, связаны с нашим врагом и изменяют России». Составленные Яхонтовым протоколы тайных совещаний Совета министров показывают, что там на них с тревогой обсуждали вопрос, подчинится ли великий князь Николай Николаевич решению царя, или всемогущая ставка устроит государственный переворот. После острого конфликта с председателем восемь министров обратились к царю с просьбой не смещать Николая Николаевича. Они пытались напугать императора «опасностью серьезных последствий этого шага» как для него лично, так и для династии в целом, и подкрепили эту просьбу своей коллективной подачей в отставку.

Немецкое военное командование было так хорошо осведомлено о разногласиях в русском правительстве, что попыталось усилить раскол с помощью фальшивого царского манифеста, адресованного солдатам. Однако российские власти тщательно собрали все экземпляры этого манифеста и скрыли их от народа. Там говорилось следующее:

«Солдаты!

В наиболее трудный момент своей жизни царь обращается к вам, моим солдатам.

Эта несчастная война началась против моей воли: она была вызвана интригами Николая Николаевича с его сторонниками, желавшего отстранить меня, чтобы впоследствии занять трон. Я ни в коем случае не стал бы объявлять войну, если б знал ее печальные последствия для матушки России, но мой завистливый родственник и продажные генералы мешают мне пользоваться властью, данной мне Господом, и я, опасаясь за собственную жизнь, вынужден выполнять все их требования.

Солдаты! Не слушайте приказов своих продажных генералов и поверните оружие против тех, кто угрожает жизни и свободе вашего царя и безопасности вашей любимой родины.

Ваш несчастный царь, *Николай*»².

Следующая кампания партии императрицы и Распутина была направлена против восьми министров, сопротивлявшихся смещению главнокомандующего; эти люди были уволены один за другим. В конце концов пришла и очередь Сазонова. Британский посол Бьюкенен расстался с выжидательной позицией; в секретной телеграмме он просил царя «взвесить серьезные последствия, которые отставка господина Сазонова будет иметь для важных дипломатических переговоров, ведущихся в настоящее время, и еще более важных переговоров, которые потребуются вести в ходе войны». Но вопрос был уже решен. Сазонова должен был заменить Штюрмер. Самую горячую дискуссию вызвал вопрос, стоит ли рискнуть и сразу назначить на этот пост человека с немецкой фамилией или сначала дать ему возможность сменить ее. Впоследствии Штюрмер так и сделал, взяв себе старинную аристократическую фамилию Панин. Естественно, эти переговоры были тайными. «Я хочу этого назначения, но если оно произойдет, это станет громом среди ясного неба», – писал Николай жене. Так оно и вышло. Бывший немецкий кронпринц пишет:

«Наиболее благоприятный момент для заключения мира с Россией наступил в конце лета 1916 г., когда военное положение России было очень плохим. Именно в этот момент царь назначил Штюрмера главой министерства иностранных дел; несомненно, последний был настроен в нашу пользу. Я расценил это назначение как явный знак желания начать мирные переговоры».

Штюрмер тут же поставил все точки над «i». Он начал всячески тормозить публикацию соглашения с Англией по поводу Константинополя и манифеста о Польше, причем делал это по распоряжению царя, поскольку данные документы никак не способствовали заключению сепаратного мира. Согласно Бетману-Хольвегу, в немецких политических кругах придерживались мнения (которое последний не разделял), что сепаратный мир с Россией «практически предпрешен» и сорвать его может только «крайне неуклюжая дипломатия».

Но немецкая дипломатия действительно оказалась «крайне неуклюжей». В отличие от Штюрмера, германское правительство опубликовало сообщение о создании Польского королевства под протекторатом Германии. Эрцбергер назвал это «настоящей политической катастрофой», похоронившей «уникальный шанс на заключение мира».

Но российские германофилы отнюдь не считали, что все потеряно. Сторонники императрицы и Распутина старались создать сильное правительство, которое могло бы освободиться от надзора думских партий, выступавших за сохранение союза с Антантой. Кружок сенатора Римского-Корсакова, к которому принадлежали министры Маклаков и Штюрмер и с которым был тесно связан Протопопов, подготовил меморандум, предусматривавший роспуск Государственной думы, радикальный пересмотр основных законов и превращение Думы в чисто совещательный орган, объявление военного и даже осадного положения в главных городах страны, закрытие всех левых газет и перевод на казарменное положение всей оборонной промышленности. Члены будущего «сильного правительства» должны были «поклониться государю не жалеть жизни в предстоящей борьбе, заранее указать своих преемников и получить от монарха всю полноту власти».

1 февраля атаман казаков Груббе представил царю план борьбы с «серьезными нарушениями порядка», которые «неминуемо будут сопровождать демобилизацию огромной армии» и «могут перерасти в мятеж». Главную роль в наведении порядка он отводил казакам.

Царизм скрытно, но очень серьезно готовился к прекращению борьбы на фронте и переносу ее в тыл. Однако открытый призыв Ленина к «превращению мировой войны в гражданскую» вызывал у монархистов страшную злобу.

Думские партии прекрасно знали о планах reactionеров заключить сепаратный мир. От имени московского Всероссийского совещания председателей земских управ князь Львов заявил: «Мучительные, ужасные подозрения в измене, в наличии тайных сил, работающих в пользу Германии и готовящих позорный мир, который уничтожит единство народа и вызовет

раскол общества, ныне перешли в полную убежденность, что вражеская рука тайно влияет на государственную политику». Центральный комитет Союза городов публично обвинил известные силы, враждебные России, в намеренном саботаже национальной обороны. Все эти организации и их лидеры не посмели назвать имя, но оно вертелось у военного командования на кончике языка. Позже, весной 1917 г., генерал Деникин «задал этот мучительный вопрос» начальнику штаба главнокомандующего Алексееву. Последний «туманно и неохотно ответил: «Во время разбора бумаг императрицы нашли карту с подробной дислокацией частей на всем фронте, составленную только в двух экземплярах. Один был предназначен для меня, второй – для императора. Я был раздавлен. Этой картой мог воспользоваться кто угодно». К сказанному он не добавил ни слова и тут же сменил тему»³.

Однако гипотеза о «шпионаже императрицы» в пользу Германии не подтвердилась. Созданная Временным правительством комиссия Муравьева, в которую входили и представители Советов, не смогла доказать это. По нашему мнению, опубликованная переписка Александры Федоровны с Николаем исключает такую возможность. Конечно, у императрицы «разрывалось сердце» от мысли, что ее муж, сын и она сама находились на стороне России, в то время как ее отец, брат, сестра и весь ее родной Гессен были в противоположном лагере. Если бы императрица время от времени не проклинала войну, она не была бы человеком. Осудить ее за это мог бы только самый закоренелый шовинист. Императрица была и оставалась немкой как по рождению, так и по образу мыслей. Но это не значит, что душой она всегда была на стороне Вильгельма. Точнее, она жалела не столько Германию, которая была для нее чисто абстрактным понятием, сколько свою «малую родину», свой Гессен, к которому Вильгельм, обуянный идеей пангерманизма, по ее мнению, относился жестоко. Как немка, она была безнадежно провинциальна. Ее душа тянулась ко всем этим Гессенам, Мекленбург-Штрелицам, Мекленбург-Шверинам, Шварцбург-Зондерхаузенам и Шварцбург-Рудольштадтам, карликовым княжествам и герцогствам, правители которых исправно поставляли невест (одной из которых являлась она сама) на брачную ярмарку европейских коронованных особ. Родственные чувства императрицы так же мешали ей желать победы «Ники» над Вильгельмом и Францем-Иосифом, как чувства бывшей принцессы Ангальт-Цербстской, ставшей русской императрицей Екатериной II, мешали последней осуществлять агрессивную внешнюю политику по отношению к своим западным соседям. Каждая неудача России заставляла «ее кровь кипеть при мысли о том, какую злобную радость эта неудача вызывала в Германии». Она задыхалась от негодования, когда русские войска были вынуждены оставить Галицию и ликующий Вильгельм, возможно, провел ночь на «той самой кровати старого Франца-Иосифа», на которой спал Николай, будучи в Лемберге (Львове). Ее приводила в восторг мысль о том, что в Константинополь, взятый русскими войсками, первым войдет полк, носящий ее имя. «Ах, поскорее бы настал день, когда в храме Святой Софии вновь прозвучит вечерня!» Она была уверена, что Николай I благословит из гроба своего правнука, отомстившего Австрии за предательство и объединившего под своим скипетром все древние славянские земли.

Императрица была не пангерманисткой, а панслависткой, но необычного толка. Она была патриоткой не своей страны, а всего лишь династии, членом которой стала. Ее панславизм был предлогом для распространения власти этой династии; «расширение подвластных территорий всегда было любимым занятием правителей». При этом никакой любви к славянам она не испытывала. «Я бы хотела, чтобы эти балканские страны провалились сквозь землю, – откровенно писала она мужу. – Россия всегда была им любящей матерью, а потом они вероломно отворачивались от нее». Во время трагедии Сербии она тоном ментора заявляла: «Это наказание стране, которая убила своего короля и королеву». Когда австрийцы оккупировали Цетинье [столицу Черногории. – *Примеч. пер.*], она мстительно писала: «Теперь король [Черногории. – *Примеч. пер.*], его сыновья и здешние черномазые дочери [речь идет о принцессах Стане и Милице, женах двух великих князей, настроенных против Распутина. – *Примеч. авт.*]

, так безумно хотевшие этой войны, заплатят за все свои грехи против Бога и тебя, потому что они боролись с нашим Другом, хотя прекрасно знали, кто он такой».

На самом деле императрица никого не любила и никому не симпатизировала. Для этого ее сердце было слишком тесным. Итальянцев она считала «мерзкими эгоистами», французов – способными заключить сепаратный мир за спиной России и за счет последней, а от корыстных англичан ожидала «ужасных сложностей» при заключении мира.

«Fiat dynastia – pereat mundus!» [«Пусть торжествует династия, даже если рухнет мир!»] Парафраз латинской пословицы: «Пусть торжествует правосудие, даже если рухнет небо!» – *Примеч. пер.]*

«Пацифизм» Распутина был намного более стойким и более расчетливым. В воспоминаниях французского посла Палеолога цитируются слова яростной сторонницы Распутина Вырубовой: «Если бы этот святой человек появился здесь раньше, войны бы не было. Я не знаю, что бы он сделал или посоветовал, но Господь вдохновил бы его... Какое несчастье, что в нужный момент он отсутствовал и не успел просветить императора». После возвращения в Петербург Распутин говорил о войне «только загадочными и апокалиптическими фразами, намекая, что он не одобряет ее и предвидит большие несчастья». После военных поражений царица неизменно напоминала царю о предсказаниях Распутина: «Наш Друг всегда был против этой войны, говорил, что за Балканы сражаться не стоит и что Сербия окажется такой же неблагодарной, как и Болгария».

Однако все это можно объяснить обычным уzkолобом и эгоистичным национализмом. Императрица разделяла точку зрения Распутина лишь время от времени, главным образом после военных поражений. Зато победы вдохновляли Александру Федоровну и заставляли мечтать о лавровом венке для ее несчастного мужа, «словно и впрямь родившегося в день многострадального святого Иова». Если бы она с самого начала была против войны с Германией и желала последней победы, то вела бы себя по-другому и пользовалась бы предоставлявшимися ей многочисленными возможностями.

10 сентября 1914 г. Палеологу из Биаррица позвонил Витте. «Он сказал мне, что вступление России в войну было безумием... Война разрушит Россию. Пожать плоды победы смогут лишь Франция и Англия... Ни один разумный человек не станет воевать за эти беспокойные и тщеславные Балканы, где давным-давно не осталось никаких славян, а есть только крещенные по ошибке турки». Витте не привлекала перспектива объединить всю Польшу под скипетром России, потому что объединенная Польша доставила бы куда больше хлопот, чем разделенная. Завоевание Дарданелл было делом еще более рискованным; их было бы трудно защищать, причем защита потребовалась бы двойная, поскольку желающих отобрать их хватило бы с избытком. Если победит Антанта, «вся Центральная Европа превратится в сплошную республику, и это станет концом эры русского владычества. Что же касается последствий поражения, то я предпочитаю о них не говорить».

Из всех государственных деятелей того времени лишь Витте набрался мужества заявить публично: «Я могу сделать только один практический вывод: эту безумную авантюру нужно закончить как можно скорее».

Палеолог боялся, что первые военные неудачи пойдут Витте на пользу: «Этот человек обладает нерастроченной энергией; его снедают честолюбие, обида и высокомерие». Будь царица тайной германофилкой, она быстро забыла бы свои старые обиды на Витте и поставила его использовать. Но она была отравлена патриотическим угаром. Палеолог замечает: «Лицо царя сияло. Вся фигура императрицы выражала радостный экстаз... Императрица мало говорит, но ее напряженная улыбка и странный магнетический взгляд выражают внутренний энтузиазм». Посол не ошибся. Письма царицы к мужу выражают ее ликование: «С точки зрения

морали это здоровая война... Она подняла воинский дух, покончила с умственным застоєм и объединила чувства людей».

Сторонницей идеи сепаратного мира царица стала позже, когда иллюзия победы растаяла как мираж, оставив после себя разочарование и безверие. Переписка царственной четы ясно показывает, какие усилия предпринимала Германия, чтобы заключить мир с Россией.

Одно предложение было сделано через статс-даму императрицы, Марию Васильчикову⁴. В момент объявления войны она гостила у своих знатных австрийских родственников и застряла в Австрии. Там ей нанесли визит три человека из придворных кругов Вены и Берлина, не имевшие отношения к официальной дипломатии. Позже Васильчикову с согласия Вильгельма II вызвали в Берлин для встречи с тогдашним министром иностранных дел фон Яговым. Она должна была довести до сведения российской общественности, что «никто в Германии и Австрии не испытывает ненависти к России» и что «величайшую ненависть немцы испытывают только к Англии». Подавляющее большинство немцев и австрийцев мечтают заключить с Россией прочный мир и создать «союз трех императоров». В этом союзе царю будет предоставлена почетная миссия на Дальнем Востоке. «Эта желтая раса способна на все, и только Россия может стать стеной на ее пути». Что же касается Дарданелл, то «царю достаточно выразить желание, чтобы России был тут же предоставлен свободный проход через этот пролив». После этого Васильчикова написала письмо императору, в котором сообщала: «Меня просили сообщить Вашему Величеству то, что стало известно из очень тайных источников: Англия собирается оставить Константинополь за собой и создать в Дарданеллах новый Гибралтар; кроме того, в данный момент между Англией и Японией идут тайные переговоры о том, чтобы оставить Маньчжурию за последней».

Первые попытки Васильчиковой ни к чему не привели. Антанта, которая, в отличие от Германии, с Турцией связана не была, могла предложить больше. 3 мая 1915 г. Николай лично сообщил Палеологу, что он намерен принять «радикальное решение, касающееся Константинополя и черноморских проливов». Это было очень похоже на ультиматум. Через неделю Сазонов представил союзникам меморандум, выдержанный в том же духе. Англия дала принципиальное согласие, но сохранила за собой право на соответствующую компенсацию. Франция же задержалась с ответом более чем на десять дней. В это время германский посол в Стокгольме фон Люциус сообщил шведской прессе слух о тайных переговорах между Англией и Францией, направленных на то, чтобы «не передавать России Константинополь». После этого Франция также дала свое согласие. Однако зерна сомнения, посеянные Васильчиковой, дали ростки. В ноябре 1915 г. на военной конференции союзников в Шантильи представитель России посоветовал союзникам эвакуировать их экспедиционный корпус, действовавший в Галлиполи. В секретной телеграмме генералу Алексееву объяснялась невысказанная причина такого совета: опасность «создания постоянного английского порта, нового Гибралтара, у входа в Средиземное море». Текст телеграммы настолько совпадает с текстом письма Васильчиковой, что это нельзя считать простым совпадением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.